

Иеромонах САВВА (ТУТУНОВ)

ПУТЬ МИТРОПОЛИТА ЕВЛОГИЯ В ПОСЛЕДНИЕ ДВА ГОДА ЖИЗНИ

Мемуары митрополита Евлогия (Георгиевского) «Путь моей жизни» затрагивают лишь период до начала Второй мировой войны. Скучные сведения о последних годах жизни митрополита Евлогия даются в послесловии редактора его воспоминаний Т. Манухиной. К ее свидетельству, однако, приходится относиться с известной исследовательской осторожностью. В частности, приводимые Т. Манухиной слова владыки Евлогия, будто бы согласившегося с тем, что соответствие «высшему христианскому идеалу» требует пребывания во «Вселенской Патриархии»¹, вызывают сомнение в их подлинности, поскольку никак не подтверждаются другими свидетельствами (скорее, наоборот), в частности, настоящей публикацией выдержек из дневников П. Е. Ковалевского. Эта публикация, подготовленная историком, автором нескольких монографий по истории эмиграции Н. Г. Россом, приносит исследователям дополнительные сведения о последних годах жизни митрополита Евлогия.

Свою каноническую верность Московскому Патриаршему престолу митрополит Евлогий подчеркивал всегда.

Так, в 1924 году митрополит Евлогий писал Патриарху Константинопольскому Григорию, отвер-

гавшему его право на управление западноевропейскими приходами: «Текст 28-го правила IV Вселенского Собора <...> предоставляет ему (Константинопольскому Патриарху. — С. Т.) власть поставлять епископов в сопредельных областях Понта, Азии и Фракии у иноплеменников *не всех вообще*, а лишь названных областей». И далее, касаясь своего собственного канонического положения: «Мои канонические полномочия исходят от власти главы Автокефальной Российской Церкви Патриарха Московского, в каноническом подчинении которого я нахожусь»².

Изменил ли позднее митрополит Евлогий свой взгляд на полномочия Константинопольского престола? Казалось бы — да: в 1931 году он апеллирует на решение Заместителя патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского) к Константинопольскому Патриарху и подчиняется его юрисдикции. В мемуарах митрополита Евлогия, составленных в 1938 году под его диктовку Т. Манухиной, мы читаем: «Мне пришлось осуществить тот закон церковный, по которому церкви православные, оторванные от своей родной Церкви, подлежат в православных странах юрисдикции местных Церквей, а в инославных — Вселенскому Патриарху»³. Современный исследователь В. В. Бурева отмечает, что в мемуарах митрополита Евлогия об отношениях с Константинопольским Патриархатом упоминается лишь начиная с 1927 года. «На наш взгляд, в указанной книге взаимоотношения владыки с Константинопольским Патриархатом намеренно упрощены. Не представляется возможным выяснить, кто, собственно, был инициатором этого упрощения: сам владыка Евлогий, намеренно умолчавший о наиболее сложном периоде своих взаимоотношений с Константинополем, или Татьяна Манухина, готовившая книгу к изданию во время горячих споров о будущем каноническом статусе русской диаспоры в За-

падной Европе», — подчеркивает В. В. Бурева, имея в виду упомянутое выше письмо 1924 года⁴.

Говоря об «оторванности от своей родной Церкви», митрополит Евлогий, очевидно, имел в виду не свою географическую расположенность за ее пределами, употребим более позднюю терминологию, «канонической территории» Православной Российской Церкви, но тот «временный перерыв административных отношений», о котором он писал в послании к пастве в феврале 1931 года: «Когда восстановится общепризнанная центральная церковная власть и нормальные условия жизни Русской Православной Церкви, мы вновь вернемся к прежнему положению <...> вступая на этот путь, мы, конечно, не отрываемся, не откалываемся от Матери Русской Церкви. Мы <...> не прекращаем с ней нашего единения. <...> Это лишь временный перерыв официальных административных сношений с митрополитом Сергием, вызванный известными обстоятельствами»⁵.

Рассуждая о своем назначении «Экзархом Вселенского Патриарха», митрополит Евлогий писал: «я и моя паства не оторвались от Вселенской Церкви, сохранили с ней каноническую связь при соблюдении внутренней русской автономии»⁶. Митрополит Евлогий противопоставляет свое положение положению Архиерейского Синода в Сремских Карловцах, сохранившего свою «внутреннюю русскую автономию» путем заявления о полной церковной самостоятельности. Во второй половине 1930 года, когда разрыв с митрополитом Сергием уже наступил, митрополит Евлогий склонялся к аналогичному варианту, к созданию независимого временного митрополичьего округа в Западной Европе, однако, в конечном итоге, предпочел временно подчиниться Константинопольскому Престолу⁷. Слова митрополита Евлогия о неотрывном пребывании с «Вселенской Церковью» указывают не на соблюдение «вселенских» прав Константинопольского Патриархата,

но на сохранение единения с Вселенской — кафелической Церковью, через связь с одним из Патриарших престолов.

О канонической связи с Православной Российской Церковью приходов, возглавляемых митрополитом Евлогием, свидетельствует то, что до 1937 года за богослужением после имени Константинопольского Патриарха поминалось имя Местоблюстителя митрополита Крутицкого Петра, а после 1937 года — «все епископство православное страждущей Церкви Российской». В указе, определяющем изменение формы поминовения, митрополит Евлогий подчеркивал: «для нашей зарубежной части Русской Церкви имя блаженно почившего митрополита Петра особенно дорого потому, что через него осуществлялось наше единение с Матерью Церковью Всероссийской». Устанавливая новую формулу, митрополит Евлогий имел в виду придать ей «полноту, указующую на единение наше со всей Вселенской Церковью и с нашей Матерью-Церковью»⁸. В этом же порядке вещей, еще прежде восстановления полного единства с Московским Патриаршим престолом, митрополит Евлогий в середине марта 1945 года устанавливает в подчиненных ему приходах поминовение, наряду с именем Константинопольского Патриарха, имени Святейшего Патриарха Московского (дневниковые записи П. Е. Ковалевского за 21 февраля/7 марта и 4/17 марта 1945 года).

Митрополит Евлогий, представленный в воспоминаниях Манухиной как колеблющийся, дряхлый и немощный, не уверенный в своих шагах, в правильности своего выбора архиерей, предстает в дневниках Ковалевского совсем в ином свете. Здесь он целенаправленно ведет паству к восстановлению единства с Русской Православной Церковью, несмотря на нескрываемую и очевидную для него самую оппозицию со стороны едва ли не большинства клириков и приходов и вопреки поставленным ему ульти-

матумам. На слова священников о том, что «паства единодушно против подчинения [Москве]», он отвечает: «Готовьте паству» (запись Ковалевского от 5/18 ноября 1944 года); на решение епархиального совета заявить о своем отмежевании от его действий, он замечает: «Ну, так я совсем уйду на покой» (запись от 30 ноября/9 декабря 1944 года); во время бурно проходящего собрания духовенства и мирян в присутствии прибывшего из Москвы митрополита Крутицкого Николая (Ярушевича), он напоминает: «В Церкви не только соборность, но и апостольство, и решает не паства, а епископы» (запись от 16/29 августа 1945 года). И сразу после этого собрания митрополит Евлогий и его викарии архиепископ Владимир (Тихоницкий, впоследствии митрополит; †1959) и епископ Иоанн (Леончуков; †1947) подписывают обращение к Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию I следующего содержания: «Сыновне просим, покрыв любовью наше разобщение с Матерью Русской Церковью, принять нас с нашими приходами под Вашу отеческую руку в каноническое объединение со всей Русской Православной Церковью»⁹.

2 сентября 1945 года в Александро-Невском кафедральном храме в Париже состоялось соборное служение митрополитов Николая и Евлогия. Переговоры с Константинопольской Патриархией относительно Экзархата митрополита Евлогия взяла на себя Москва: телеграммой от 4 ноября 1945 года Патриарх Алексей просил Патриарха Вениамина благословить митрополита Евлогия и его паству на воссоединение с Российской Церковью. Со своей стороны, митрополит Евлогий уведомил докладом от 1 октября 1945 года Патриарха Вениамина о подписании вышеозначенного ходатайства (очевидно, именно об этом докладе пишет Ковалевский в записях от 12/25 и 13/26 сентября 1945 года). 11 сентября 1945 года был издан указ Московского Патриарха №1171,

удовлетворяющий ходатайство митрополита Евлогия и его викариев, с сохранением за его церковной единицей статуса Экзархата¹⁰.

Что митрополит Евлогий воспринимал этот акт как восстановление своей канонической зависимости от Московского Патриаршего престола — в этом нет сомнения. Обращает на себя внимание запись, сделанная Ковалевским 3 февраля/21 января 1946 года: «Получена телеграмма из Москвы, разрешающая посвятить о. Никона в епископа» (видимо, в ответ на поданный ранее «Список кандидатов в епископы» — запись от 30 августа/12 сентября 1945 года). Речь идет об архимандрите Никоне (де Гревве), хиротония которого состоится уже 24 февраля¹¹.

Со дня торжественного служения 2 сентября 1945 года митрополит уже почти не служит, его силы заметно сдают. После кончины владыки Евлогия 8 августа 1946 года оппозиция его делу, утихшая в последний год его жизни, возобновляется. Его старший викарий архиепископ Владимир откажется следовать указаниям Московского Патриарха. Экзархат останется в юрисдикции Константинопольского Патриархата. Что же стало причиной расхождения между престарелым и уважаемым иерархом и его паствой? «Идейных» оппозиционеров, принципиально отстаивавших «вселенское» измерение пребывания в юрисдикции Константинопольского Патриархата было немного. Основные ее представители — это архимандрит Киприан (Керн) и священник Василий Зеньковский (запись Ковалевского от 5/18 ноября 1944 года). В целом же оппозиция, по свидетельству П. Е. Ковалевского, исходила, прежде всего, из вполне понятного непримиримого отношения к советской власти, в независимость Русской Православной Церкви от которой мало кто верил.

На наш взгляд, зарождению оппозиции против объединительных устремлений митрополита Евлогия способствовал еще один очень важный фактор. Вновь

подчеркнем: митрополит Евлогий *всегда* считал, что итогом пути возглавляемого им Экзархата должно стать восстановление канонической связи с Московским Патриархом. В последние годы жизни он *этой* вопрос фактически на обсуждение даже не ставил — для него это было очевидно. Судя по дневникам П. Е. Ковалевского, владыка Евлогий говорил преимущественно о другом — о возвращении на Родину, к чему он стремился сам и призывал свою паству (записи от 5/18 ноября 1944 года, 5/18 февраля 1945 года, 28 мая/10 июня 1945 года). Именно это становится предметом его постоянных проповедей и выступлений. При этом Ковалевский с горечью отмечает, что такое устремление престарелого иерарха сочетается с очернением «нашего зарубежного дела» — с отвержением всего того, что было сделано в эмиграции (запись от 16/29 августа 1945 года). Именно это, пожалуй, и вызвало наибольшую горечь и даже раздражение в среде клира и паствы, едва ли даже не внутренний разрыв со своим иерархом (записи от 22 июня/5 июля 1945 года, 5/18 августа 1945 года, 6/19 августа 1945 года, 14/27 июня 1946 года).

В итоге можно сказать, что политические страсти вновь помешали церковному разрешению того канонического положения, в котором оказался Экзархат. И хотя митрополит Евлогий довел до правомерного конца путь своей жизни, восстановив канонические отношения вверенных ему приходов с Патриархом Московским, плоды его дел были отвергнуты большей частью его паствы, ставившей такое решение в зависимость от изменения политического строя в Отечестве.

Примечания

¹ Манухина Т. Памяти митрополита Евлогия. В кн.: *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни. М., 1994. С. 616.

² Письмо хранится в архиве Патриаршего экзархата западноевропейских православных русских приходов Константинопольского Патриархата. Копия письма — в архиве автора.

³ *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни. С. 575.

⁴ Бурега В. В. Взаимоотношения митрополита Евлогия (Георгиевского) с Константинопольским Патриархатом в первой половине 1920-х годов: к постановке проблемы. Доклад на конференции «Жизненный путь и наследие митрополита Евлогия (Георгиевского). К 60-летию со дня кончины». Москва, 1 декабря 2006 г. Материалы конференции готовятся к публикации.

⁵ Церковный вестник западноевропейской епархии, № 2. Париж, 1931. С. 4.

⁶ *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни. С. 574.

⁷ См. нашу статью «Церковно-правовые основания существования “Парижской митрополии” в 1921–1946 годах» в: Журнал Московской Патриархии, №12, 2007. С. 68–74.

⁸ Церковный вестник западноевропейской епархии, №3–4. Париж, 1937. С. 1–2.

⁹ Опубликовано в кн.: *Соловьев И. В.* Дни примирения//Церковно-исторический вестник. № 4–5. М., 1999.

¹⁰ Манухина Т. Памяти митрополита Евлогия. В кн.: *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни. М., 1994. С. 615.

¹¹ Родился в 1895 г. в Батуми. Офицер. В эмиграции после ухода Белой армии из России. В 1925 г. закончил Сергиевский институт в Париже и принял монашество. После епископской хиротонии в 1946–1947 гг. управлял Бельгийскими приходами Экзархата, затем переехал в США. Ректор Свято-Тихоновской семинарии (1947–1948). Епископ Пенсильванийский и Филадельфийский (1948–1952), Торонтский и Канадский (1952–1957), затем Токийский в Японии (1960–1962). В 1962 г. вернулся в США. Архиепископ Бруклинский (1965). Скончался в 1983 г.